

БЕЛОРУСИЗАЦИЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1920-Х ГОДОВ: ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ НА ГОМЕЛЬЩИНЕ

И. А. Грищенко

Гомельский государственный технический университет имени П. О. Сухого, Беларусь

Белорусизация, проводимая большевиками в 1920-х гг. как комплекс мер по национально-государственному и национально-культурному строительству, рассматривалась как геополитический проект в русле национальной политики. Основным содержанием политики белорусизации стали вопросы развития белорусского языка и культуры с обеспечением прав и возможностей свободного развития культуры национальных меньшинств. Несмотря на то, что белорусский, польский, русский, еврейский языки в Беларуси были объявлены государственными и пользовались равными правами, белорусский язык, в силу преобладания коренной национальности, имел преимущественное право. Преподавание в учебных заведениях, делопроизводство переводились на белорусский язык.

Однако непросто складывалась ситуация в Гомельском регионе по причине довольно пестрого национального состава населения (белорусы, русские, украинцы, евреи, поляки). Кроме того, с 1919 г. до 1926 г. Гомельская губерния входила в состав РСФСР, а границы губернии охватывали районы, которые после 1926 г. – второго укрупнения БССР – остались в составе РСФСР (Новозыбков, Стародуб, Клинцы). Политика белорусизации вызвала неоднозначную реакцию со стороны местного населения, как русского, так и белорусского.

С мест в Гомельский губком поступали сведения о национальном составе населения. Так в Новозыбковском уезде население в большинстве своем белорусское, исключение составляла Семеновская волость, где компактно проживали русские старообрядцы [1, л. 40]. При этом в 1925 г. Новозыбковский уоно отметил: «Тяги самого населения к изучению белорусского языка нет совершенно» [1, л. 136]. Стародубский уездный исполком сообщил в губоно, что по границе с Брянской губернией преобладает русский язык; по границе с Суражским, Клинцовским, Почепским уездами преобладает белорусскоязычное население; украинское население проживало на границе с Новгород-Северским уездом; Воронковская волость была населена старообрядцами, говорящими на русском языке. Белорусским языком в Стародубском уезде в школах не пользовались [1, л. 40]. Речицкий уездный исполком сообщал в 1923 г., что население уезда сплошь белорусское, при этом русский язык не затрудняет работу школы, поскольку население обрусело. Отношение к литературному белорусскому языку отрицательное, поскольку он малопонятен. Инспекторы Речицкого отдела народного образования пессимистично оценивали перспективы белорусизации в данном регионе [1, л. 41]. В ряде случаев негативное отношение к белорусскому языку в школе объяснялось тем, что крестьяне считали его мужицким, а городская культура ассоциировалась исключительно с русским языком. По этой причине была закрыта в 1925 г. Заспинская школа [1, л. 102]. Впрочем, есть версия, что школа в Заспе была закрыта благодаря самоуправству инспектора уоно [1, л. 126]. В объяснительной записке учите-

ля из д. Рудня-Маримоново Дятловичской волости отмечалось, что подозрительность у крестьян вызвал перевод именно их школы на белорусский язык, когда у соседей язык в школе русский. Некоторые крестьяне объясняли позицию учителя в пользу белорусского языка тем, что «учитель проводит линию Советской власти» [1, л. 152].

Парадоксальность ситуации в том, что большинство населения Гомельского уезда относили себя к белорусам (до 90 %). Большинство учителей уезда знали разговорный белорусский язык, но литературным владели единицы (из 430 человек не более 15) и не использовали его в школьной работе. Учителя отмечали трудности преподавания: дети отвечают на белорусском языке, а учитель преподает на русском. Курьезные ответы давали учащиеся сельских школ, когда городские инспекторы проводили мониторинг языковой ситуации по волостям. На вопрос, одно ли и тоже картофель и бульба, ученик Дубровской школы ответил: «Бульба гэта у нас у Дуброуцы, а картопля гэта у вас, у горадзе». Ученик Денисковичской школы лук и цыбулю различал: «Як цыбуля идзе у стрэлкі, то гэта будзе лук» [1, л. 12об]. При этом не все учителя отдавали себе отчет в том, что имеют дело с белорусским языком, считая его местным диалектом, записывая детей в графе «национальность» – русские. Для подготовительной работы требовались языковые курсы и кружки по белорусоведению для учителей.

Заведующий Белорусской секцией при губоно Смигельский в 1924 г. отмечал, что в Гомельском уезде работе по белорусизации не только не уделялось должного внимания, но и чинились препятствия. Так в Чечерскую волость были высланы белорусские буквари, а председатель Чечерского исполкома наложил резолюцию, что в Чечерской волости никаких белорусов нет [1, л. 60]. Также не обнаружил белорусов секретарь Ветковского исполкома. Василевичский исполком считал переход на белорусский язык нецелесообразным, так как население волости с белорусским литературным языком незнакомо. Ивольскую школу в 1925 г. закрыл заведующий налоговым столом Уваровичского исполкома, заявив крестьянам на сходе, что белорусский язык «допотопный» [1, л. 126]. Лучше обстояло дело в Лоевском районе. Местные учителя отмечали, что усвоение материала детьми из деревень на белорусском разговорном языке проходит успешнее. В Уваровичах вопрос о переходе на белорусский язык в школе ставился на общем собрании граждан и не всегда находил положительный отклик. Губоно предлагал проводить агиткампанию в поддержку белорусизации. В агитации надо было делать упор на тот факт, что при царизме родной язык был под запретом, а советская власть создает благоприятные условия для развития национальной культуры. Партийным руководством особо подчеркивалось, что если белорусская работа не будет проводиться партийцами, то ее перехватят антисоветские элементы, которые дискредитируют белорусский язык и культуру.

Настоящая борьба развернулась вокруг белорусизации Гомельского педтехникума. Если коллегия АПО Гомельского губкома ВКП (б) высказалась за перевод педтехникума на белорусский язык, то бюро губкома было против. Секретарь Белсекции при Гомельском губкоме Щербинский поставил ультиматум членам губкома: или белорусизация педтехникума, или он уезжает в распоряжение ЦК КП(б)Б. На заседании Гомельского губисполкома 19 мая 1926 г. было принято компромиссное решение: организацию белорусского педтехникума в Гомеле считать нецелесообразной; возможна его организация на базе одной из школ Речицы [1, л. 148, 150]. Заславский, секретарь Гомельского губкома ВКП(б), с сожалением признавался, что отмахнуться от Белорусского педтехникума нельзя, в противном случае руководство губернии обвинят в противодействии национальной политике партии: «А если бы не побоялись Москвы, то, наверное, отказали бы в белорусской подготовке учителей» [1, л. 168].

Очевидно, решение о присоединении Гомельской губернии к БССР было вопросом времени. Выступление Заславского на пленуме Гомельского губкома 27 сентября 1926 г.

было посвящено именно этому вопросу. В отчетах уездных и волостных исполкомов отмечается негативное или настороженное отношение к этому событию. Некоторые рабочие-белорусы Гомеля, и Залинейного района в частности, сказали, что уедут в Брянск и Москву, если Гомель станет частью БССР. Нежелание входить в состав БССР было увязано с необходимостью учить белорусский язык, а повышение зарплаты учителям, преподающим на белорусском языке, расценивалось как агитация за вхождение Гомеля в состав БССР [1, л. 162–162 об.]. При обсуждении этого вопроса на губкоме мнение разделилось: партийное руководство препятствовало проведению белорусизации, негативно относясь к вхождению Гомельщины в состав БССР (в том числе из-за возможных сокращений партийного аппарата); члены Белсекции, часть работников губоно и агитационно-пропагандистского отдела выступали за активный перевод школ и вузов на белорусский язык. О противодействии белорусизации губернского руководства говорит такой эпизод. Работник Гомельской радиостанции обратился к Заславскому с просьбой разрешить передачу концертов и докладов на белорусском языке, на что секретарь губкома ответил: «Вы может быть еще на татарском языке вздумаете передавать. Не умничайте, пожалуйста». Через какое-то время было издано постановление губкома о вещании на белорусском языке газеты, рассказывающей о жизни Западной Белоруссии под Польшей, но не о жизни на Гомельщине. Ставились также препоны для выступления в Гомеле в июне 1926 г. театральной труппы Голубка [1, л. 168].

О том, насколько неприятной была ситуация для сторонников белорусизации на Гомельщине свидетельствуют сетования Щербинского: материал по белорусской работе собирают члены ГПУ, отчеты требуют делать в сжатые сроки, как будто специально, чтобы не было времени подготовить их качественно, упор в отчетах надо было делать на недостатках белорусизации. Секретарь Гомельского укома прямо сказал Щербинскому: «Ты наш враг» [1, л. 168].

Однако перевод школ на белорусский язык обучения шел довольно большими темпами. В Гомельском уезде в 1925/26 уч. г. на белорусском языке работало 52 школы первой ступени. По волостям: в Чечерской – 17, Уваровичской – 9, Светиловичской – 6, Ветковской – 7, Гомельской – 4, Дятловичской – 7, Носовичской – 2. Из этих 52 школ 17 перешли на белорусский язык в 1924/25 уч. г., остальные в 1925/26. 58 учителей перешли на белорусский язык преподавания [1, л. 6]. В отчете Гомельского губкома указано, что в 1925/26 уч. г. было 92 белорусские школы, 26 еврейских, 17 польских. В 1926/27 уч. г. уже 176 белорусских школ, 25 еврейских, 21 польская, 18 украинских (в 8 из них преподавание велось полностью на украинском языке) [2, л. 149].

Несмотря на противоречия в реализации политики белорусизации удалось достигнуть главного – была создана республиканская элита, всем обязанная и искренне преданная советской власти, при этом владеющая местной ситуацией и языком. Процесс белорусизации изначально контролировался партийными органами. Были приняты меры по нейтрализации национальной интеллигенции, далекой от идеалов пролеткульта, что означало жесткий идеологический контроль над духовной сферой жизни общества. К концу 1920-х гг. борьба с так называемой «нацдемовщиной» открывает серию кровавых процессов в отношении белорусской интеллигенции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Документы Белорусской секции губкома о культурно-просветительской работе среди населения губернии. 1924–1926 // Государственный архив общественных организаций Гомельской области (ГАООГО). – Фонд 1. – Оп. 1. – Д. 2632.
2. Документы о состоянии агитационно-пропагандистской и культурно-просветительской работы, о развитии народного образования. 1926 // ГАООГО. – Фонд 1. – Оп. 1. – Д. 3009.